

СТИХИ ДОЛЬСКОГО

1. Ангелы

СЛОВЕСНОСТЬ

В эти дни, в эти серые годы
после рабства и мертвых стихов
ничего нет прекрасней природы
и простейших любовных грехов ...
Нет надежнее Русского Слова –
вдохновений моих праотцов.
Пусть веками искусства полова
забавляет элиту глупцов.

Какая истина в очах,
когда бессонными ночами
светится книга, как очаг,
святыми, вечными лучами!

Богатей разорится и рухнет,
но нигде он не купит билет,
чтоб зайти в тесноту старой кухни
и услышать изящных сонет,
чтоб увидеть, как в бедной одежде
гениальные люди сидят,
в размышленьях о слове, как прежде,
с полуслова поняв полувзгляд.

Смотри, как слово у поэта
размещено, обрамлено ...
И возле сердца так согрето,
что жжет до слез глаза оно.

Мой народ, одурманенный хамством,
макияжем певцов и певиц
и фальшивым культурным пространством,
не читавший заветных страниц,
наделенный и зреньем, и слухом –
помолись за Словесность Руси,
за хранителей Слова и Духа,
и пожить их подольше проси.

Открой хранилище судеб,
где текст по запаху и вкусу,
как древневыпеченный хлеб,
раздаренный народу Иисусом.

БЛАГОСЛАВЛЕНИЕ

О жизнь моя, как ты мгновенна,
и как горчит твое вино!
Так будь же все благословенно,
что было в суете дано.
Благословляю каждый знак,
и сон, и раннюю дорогу,
благословляю боль и мрак
за то, что научили Богу,
и строки плотные страниц,
где спрятана премудрость рода,
Добро и Зло – модель частиц
в полях анода и катода.

И воспеваю каждый день,
что прожит искренне и скромно,
и труд, и царственную лень,
и стол – и постный, и скоромный.
Благословляю все и всех,
в ком или в чем природа пела,
и стих, и первородный грех,
что воплощают дух и тело.
Прощаю, плачу и молюсь,
пою, как сыч, и плачу снова,
что богоизбранная Русь
венок примерила терновый.

Благословляю каждый дом,
что мне давал уют и пищу
и осенял меня крестом,
преображая дух мой нищий,
и женщин теплые поля
голубоватого свеченья,
что дарят Космос и Земля
для облегчения мученья,
и зелень влажную лугов,
и лес от ноября простылый...
Благодарю моих врагов
за то, что понял и простил их.

ВОПРОСЫ НА КЛАДБИЩЕ

По бревнам моста, как по клавишам,
несли с пирожками пакет
два сына со мною на кладбище
(четыре и девять лет).
Нетрудно погостище в Колпино
найти – с электрички налево.
А там уже смерти накоплено
с японской войны и холеры.

Шагали беспечные мальчики,
мои дорогие шагали,
играли растерзанным мячиком
и спрашивали о Шагале.

- А как это дяденька с тетенькой
без крыльев летали над Витебском?
- Там кнопка, а выглядит родинкой -
нажмешь и летишь над правительством.
Какие вопросы прекрасные,
какие ответы чудесные!
Вопросы становятся баснями,
ответы становятся песнями.
- А что тут за цифры на камешке?
- А время от входа и выхода.
- Мы знаем: в метро есть для памяти
отметки у входа и выхода.
- А крест для чего над могилою?
- А это Христа поминание.
На нем он страдал, мои милые,..
- А что это значит - страдание?
- А это основа познания,
как жалость, любовь и терпение.
- За что же ему наказание?
- За пение, братцы, за пение.

ТЫ МУЗЫКА, СЫН МОЙ

Ты музыка, сын мой, ты голос,
который дошел из глубин
духовных провинций, ты колос
астрального поля, один...
Смотри – твои слабые руки
готовят в прозрачной реке
ракушек и камушков звуки,
и влага течет по щеке.
Вот это поля, что Всевышний
для вздохов тебе подарил,
вот лес, за которым неслышим
детсад миллиардов ярил.
Они, повзрослев, всплывают
над легкой твоей головой.
И ловит планета живая
тепло их тобой и травой.

Вот рыбы в морях, вот олени
в лесах, что извел человек,
в реке затонули поленья
из многих пустых лесосек...
Прости, что на ноту печали
свернул, не считаясь с тобой.
Об этом когда-то молчали

поэты с дворянской судьбой.
Не знали об этом с крестьянской,
с мещанской..., короче, тогда,
когда ни в калужской, ни в брянской
не снилась такая беда,
Сегодня же строки напасти
выводит любая рука...
Земля загноилась от страсти
властительного дурака.

Сначала исчезнет погода
и станут дожди убивать,
Отравит младенца-урода
в себе среднерусская мать.
И станут большие машины
качать для народных господ
оставшийся только в вершине
последний земной кислород.
А ты от дерьма и заразы
не сможешь любить и дышать,
и светлой молитвы ни фразы
не вспомнит тупая душа.
И ты упадешь и заплачешь,
к себе призывая отца...
И я возвернусь, и болячки
сожну, как пшеницу, с лица.

И я заберу твою душу
в другой, незагаженный срок,
оставив земному удушью
властителей малый мирок...
Вот книги, мой сын, вот сонаты,
вот люди древнейших пород,
вот руки и мамы, и брата,
вот наш непонятный народ,
вот я - и твой раб, и воитель...
Покуда я жив и силен,
я стану земную обитель
беречь от нахлебных племен.
Но словом, мой сын, что издревле
точнее стрелы и свинца...
Оно от Земли и Деревни.
От Звезд и другого Отца.

ОТ ХРАМА

От храма ведет аллея, в кронах ее мой дух.
Кажется, я болею – неизлечим недуг.
болею за тех, кто веру словами затер до дыр,
кто видит слепым и серым резкий спектральный мир,
за тех, кто стыдится с нами глаз своих и лица,

за проданных подлецами и за самого подлеца,
за тех, кто легко и рано вызубрил свой маршрут,
кто к людям идет с обманом, пряча за спину кнут,
за тех, кто друзьями предан, врагами давно забыт,
кто знает одни победы, кто весел всегда и сыт,
за тех, кто не видит в слове Бога и суть вещей,
за утонувших в злобе и тщательности речей.

Я трачу свои печали, забыв сыновей моих,
на тех, кто всегда молчали, когда унижали их,
я плачу о благородстве, что в генах сынов Руси
погибло в крови и скотстве. Я стану Творца просить:

пусть вспомнит народ усталый старинной приметой суть,
что версты дороги старой на новый выводят путь.
Прошу, как всегда, не много – поскольку промыслить смог:
дорога всегда от Бога, а пыль от людей, сынок.

Дорога идет от храма, где пел я для светлых душ,
иду я по ней до хама, я, в здравом уме идуш.
Приходят такие сроки, что нужно пропеть для тех,
кто чистых гармоний строки считает за черный грех.

СМОТРЮ НА ТЕБЯ И НЕ ВЕРЮ

Смотрю на тебя и не верю:
как может природа создать
в такой ослепительной мере
такой красоты благодать,
как можно из атомов почвы
и легких молекул небес
слепить этот профиль неточный
и стан, отрицающий вес,

и речи, как скрипка с органом,
на фоне шумящих лесов,
и ум, ироничный и странный,
подвижный, как стрелка весов,
и руки, плывущие грустно,
по правилам северных птиц,
и губы, твердящие устно,
пробелы мудреных страниц.

Как жаль, что любые портреты
в движении сидя и в рост,
не смогут скопировать это,
оттенки и глаз, и волос,
а голос из света и влаги,
и музыки прежних времен,
значками на нотной бумаге

не может быть запечатлен.

Чисты, совершенны движенья,
как съемка замедленных крыл.
Я думаю, эти решенья
Господь не один находил.

ЗВЕЗДНЫЙ БРАТ

Я знаю, есть в глубинах мирозданья
такая же свеча из темноты.
такое же неловкое страданье,
такие же неяркие мечты.
За многие пространства и парсеки,
что не исчислить цифрой земной,
похожие на близких человеки
с участием беседуют со мной.
И слышат мои медленные строки,
подносят света аспидный бокал.
Он льется на меня от звезд высоких,
как всеобщий спасительный хорал.
Нас заключил один безмерный атом...
И наших дней зеркальное вино
разлито между мной и звездным братом
без времени – недавно ли, давно?..
И любим мы одну и ту же оба,
но не всегда предмет в душе храним.
Моя любовь – его вражда и злоба,
я, зная путь, всегда иду за ним.
Когда в моей груди заноза боли -
не вскинуть рук, плечом не повести,
на красном поле полужив от воли,
он птицу Феникс кормит из горсти.
И так зеркальны наши дни и лица,
как мир по обе стороны нуля,
Когда я умираю – он рождается,
когда исчезнет он – воскресну я.
Среди чужих людей и века злого,
среди дымов и мелочной войны,
я знаю – есть в мирах далеких слово
и сердце, что ко мне обращены.
**И начиная понимать в итоге,
Что это я, но отраженный в Боге**

До печали, которая и в Книге Книг
не прописана выше — иначе б сожгла,
я познал этот мир, этот век, этот миг,
эти души и эти тела.
Это скопище мяса в активной возне

в ритмах рока, соитъя, стрельбы —
вызывает всё явственней чувство во мне:
Я не здешний. Я всё позабыл.
А теперь вспоминаю. Прекрасных Миров
я виновный и сосланный сын.
Узнаю здесь туманы, цветы и коров,
и плывущий вверху апельсин.
Я не ведал, как тихо мы сердцем поём,
как негромко рыдает оно.
И оставили шрамы на сердце моём
Россия, Любовь и вино.
Ухожу без дорог по траве и золе.
О, мой Бог, замолил я грехи,
потому что оставил на этой Земле
Россию, Любовь и стихи.

ЧЕТЫРЕ АНГЕЛА (воспоминание о Павловске)

Четыре ангела мои
ко мне слетаются и спорят,
какой мне путь предначертать
и что вложить в уста для пенья,
распределяют по годам
минуты радости и горя
и чертят график на листе,
а в нем — болезни и терпенье.
Аллеи Павловска пусты,
и я иду по ним неспешно:
давно изученный пейзаж
и каждый раз неповторимый...
В такие светлые часы
легко забыть, что все мы грешны,
и, может, ангелы грешны
и даже метят в Серафимы.

2.

Но вот один из них сказал:
— Ах, господа, какая мука!
Остановить его пора,
работать трудно на ходу.
Другой ответил: — Не спеши,
ведь скоро ждет его разлука,
а третий робко произнес,
что видит и еще беду.
Четвертый, самый молодой,
на сына моего похожий,
сказал и белою рукой
коснулся грустного лица:
— Он будет часто умирать,
чтоб чью-то совесть растревожить,

он должен боль и грех познать,
чтоб успокаивать сердца.

3.

А я не слышал тех речей
и брел без цели, наудачу,
и от хранителей моих
не ждал решительных идей.
И смолк негромкий разговор,
я их, наверно, озадачил,
поскольку плакал без причин,
представив Землю и людей.

Берегу я, как могу я, и храню
и почитаю, как родителей,
птицу-Жалость, птицу-Верность,
птицу - Горестную Совесть,
птицу-Честь...
От обиды улетают, от обмана умирают
эти преданные Ангелы-хранители.
Лишь они на слабых крыльях
могут жизнь мою пронести.

СТРОФА 17 ИЗ РОМАНА В СТИХАХ «АННА»

Есть правда на Земле, но правда есть и выше.
В земном пути — любовь, работа, сон.
А выше — бесконечный перезвон
и душ, и звёзд — чем полог вечный вышит.
Любовь редка. А сон работой скроен.
Он может быть недолог, неспокоен.
Любовь уходит, сон уходит. Ты один.
Труд остаётся. И всегда необходим.
Писание картин, стихов и нот
от сердца ничего не отберёт.
А музыка нам дарит настроенье,
и ноты создают каркас строенья,
которое зовётся личность и судьба.
Стихи нам подчиняют Время и Пространство.
Здесь возникает Счастье в виде постоянства
Свободы. Происходит ворожба.
И зарождаются Миры иные в нас,
которые нужны, чтоб разум не погас.

2. Детская любовь

ЗВЕЗДА НА ЛАДОНИ

Мне звезда упала на ладошку.
Я ее спросил: – Откуда ты?
– Дайте мне передохнуть немножко,
я с такой летела высоты.

А потом добавила, сверкая,
словно колокольчик прозвенел:
– Не смотрите, что невелика я...
Может быть великим мой удел.

Вам необходимо только вспомнить,
что для Вас важней всего на свете.
Я могу желание исполнить,
путь неблизкий завершая этим.

Знаю я, что мне необходимо,
мне не нужно долго вспоминать.
Я хочу любить и быть любимым,
я хочу, чтоб не болела мать,

чтоб на нашей горестной планете
только звезды падали с небес,
были все доверчивы, как дети,
и любили дождь, цветы и лес,

чтоб траву, как встарь, косой косили,
каждый день летали до Луны,
чтобы женщин на руках носили,
не было болезней и войны,

чтобы дружба не была обузой,
чтобы верность в тягость не была,
чтобы старость не тяжелым грузом –
мудростью бы на сердце легла.

Чтобы у костра пропахнув дымом
эту песню тихо напевать...
А еще хочу я быть любимым
и хочу, чтоб не болела мать.

Говорил я долго, но напрасно.
Долго, слишком долго говорил...
Не ответив мне, звезда погасла,
было у нее немного сил.

АСТРОНАВТЫ

Что мне Турция, что мне Италия,
Доступные, словно компот.
На далекой планете Мечтания
Живет мой задумчивый кот.
Взял Сережку, Андрюшку и Таню я,
И привел их на свой звездолет.
И сказал: «На планете Мечтания
Живет мой задумчивый кот».

В 23-45, по бомбейскому,
Взяли булку мы хлеба и мед,
Спички, тапочки – дело житейское,
И отправились в нуль-перелет.
До галактики Бета-Сметания
Нам в пространстве лететь один год.
Там на грустной планете Мечтания,
Живет мой задумчивый кот.

Подвели электричество к лампочке,
Пили чай мы и ели мы мед,
В звездолете ходили мы в тапочках,
Обеспечив бесшумный полет.
Задрожало пространство коллоидом
И разлезлось по швам, как пиджак.
Синеглазых нашли гуманоидов
Мы в созвездии Альфа-не-так.

Угощали нас там папиросами,
И вдыхали мы время, как дым.
А потом к нам пристали с вопросами,
Что, мол, пьем мы, и что мы едим.
Танька хвасталась рыжими косами,
Танцевала под дюзами шейк,
Ну, а мы запаслись абрикосами
И поели серебряных шей.

Млечный путь и галактику странную
Расстоянием в сорок парсек
Рассекли биссектрисой спонтанную
И попали в технический век.
И сказал тут ребятам и Тане я,
Что, наверно, мы сбились с пути.
В этом веке планету Мечтания
Нам теперь ни за что не найти.

Тут устало пространство от вечности,
Занесло нас в такие края.
Взяли в плен нас почти с человечностью
Танькин папа и мама моя.

Что мне Турция, что мне Италия,
Доступные, словно компот.
На далекой планете Мечтания
Живет мой задумчивый кот.

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ

Андрей рисовал на листочке
Колесики, стрелочки, точки.
Над домом – каляки-валяки,
В колясках – ребяки-маляки.
В больницах болели боляки,
Клонили калину каляки,
Манили в малину маляки,
И рвали рябину ребяки.

Припев: А кисть-озорница летит по странице,
И лист расцветает жар-птицей.
А цаца-царица гарцует на львице,
Цветы нацепив на ресницы.
На улице Ста поцелуев родиться
Годится, годится, годится.

Цвели голубые костры,
И дым долетел до луны.
Пестрели густые кусты,
По солнцу слонялись слоны,
В Бенгалии в ралли играли,
В Италии таяли талии,
В Абиссинии все обессилели,
В Непале все в палевой пыли.

Припев.

И море, и в нем моряки,
И поле, и в нем поляки,
И небо, и в нем небяки,
Моряки-баляки - не бяки.
Рисует, рисует Андрюша,
И небо, и море, и сушу.
И только себя - Андрюка,
Он не умеет пока.

ХУДОЖНИК

Кисти и краски, и вот я опять
Думаю, как мне себя рисовать.
Может быть, долго я думать не буду,
А нарисую себя на верблюде.

Он по пустыне идет не спеша,
Я восседаю на нем, как паша.
Может быть я футболист знаменитый,
Сотни мячей мною были забиты.

Я разбегаюсь и бью по мячу,
И попадаю куда захочу.
Нет, не нужны ни футбол, ни верблюд,
Просто – вот я, а вокруг меня люди.

Краски не яркие, рисунок не точен,
Но только люди хорошие очень,
Все улыбаются, сцена немая,
Так как меня все без слов понимают.

Я в воскресенье зову их всех к чаю,
Но с огорчением вдруг замечаю,
Что на знакомых моих не похожи.
Может быть, в этом виновен художник?

Не получаются четкие люди,
Лучше себя рисовать на верблюде.

ОТВАЖНЫЙ МУРАВЕЙ

В пальто и драных валенках,
И в шапке до бровей
Ведет кораблик маленький
Отважный муравей.
Вода такая синяя,
И заросли стеной,
А где-то Муравьиная
Осталась за спиной.

Там в теплом муравейнике
Не гаснут огоньки.
И там поют кофейники
Морозам вопреки.

Там в муравьином городе
Взволнованно весьма,
Ждет муравьишка гордая
Далекого письма.
О том, как он до берега
Дальнего доплыл,
О том, как он Америку
Новую открыл.

На карту лягут линии –
Вот так идти и плыть.

И тотчас Муравьиныя
Начнет салюты бить.
И лодки трехэтажные
Умчат в голубую даль,
И муравью отважному
Пожалуют медаль.

А он в кругу товарищей,
Прихлебывая чай,
Однажды раскуражится
И скажет невзначай:
- Ну, верите, не верите,
Плыву - кругом вода.
Вдруг - новая Америка.
Давай ее сюда!

В пальто и драных валенках
И в шапке до бровей.
Ведет кораблик маленький
Отважный муравей.

СВЕРЧОК

За печкой в углу зола на полу,
И пыль на стене, и крючок.
На этот крючок повесил сверчок
И скрипку свою и смычок.
На цыпочки встав, и скрипочку сняв,
И лапкой смычок ухватив,
Вечерней порой он занят игрой,
Он учит какой-то мотив.

Но что-то не то, и что-то не так
На скрипке выводит смычок.
Как будто пустяк, но с этим никак
Не может смириться сверчок.
И трудный мотив сто раз повторив
Грустит он: не вышло опять.
Но завтра сверчок возьмет свой смычок
И снова будет играть.

За печкой в углу зола на полу
И пыль на стене, и крючок.
На этот крючок повесил сверчок
И скрипку свою и смычок.

ДЕЛЬФИНЫ

Над мачтами клин журавлиный
влетает в медовый восход,
а прямо по курсу – дельфины, дельфины,
веселая стая плывет.

Так дали зеленой долины
мелькают на кадмии гор,
над грузной волною
взлетают дельфины,
чертя траекторий узор.
Дельфины, дельфины,
дельфины, дельфины,
чертя траекторий узор.

Как звезды, леса и равнины
чужды суеты и молвы,
вы дети Вселенной, дельфины, дельфины,
и меньшие братья мои.

Не раз подрывались на минах
плывя впереди корабля,
дельфины, дельфины,
дельфины, дельфины,
не знавшие слово "земля".

В сомненьях и вере едины,
невидимы в стае своей,
мы тоже дельфины, дельфины, дельфины
огромных своих кораблей.

В пути попадают льдины
и отмелей гиблых поля.
Но все же дельфины,
дельфины, дельфины
плывут впереди корабля.
Дельфины, дельфины
Дельфины, дельфины
плывут впереди корабля.

ПОДВОДНАЯ СКАЗКА

За плечами акваланги,
Шторм как будто бы утих.
Мы идем ловить трепангов
И стрелять ершей морских.
Фантастические краски
Бирюзовой глубины
Оживают, словно сказки,
Из далекой старины.

Наутилус тихоходный

Ждет меня на желтом дне.
Я зеленый, земноводный
С аквалангом на спине.
Я шепчу кальмару сплетни
Про акул и про медуз.
На спине китов слетних
По волнам, как ветер, мчусь.

В прятки с маленьким дельфином
Я играю, как с мальчишкой.
Прячусь в водорослях синих,
Прячусь у спрута под мышкой.
За коралловые ветки,
За большой зеленый камень,
И щекочат мне креветки
Пятки длинными усами.

В это самое мгновение
Я как будто просыпаюсь
И плыву на встречу небу,
Прямо к солнцу поднимаюсь.
Сумки, полные трепангов,
Мы бросаем в лодку нашу.
И, снимая акваланги,
Слышим запах пшенной каши.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЛОТИЛИИ

Припев: Красный кораблик, синий флот
Прямо к берегу плывет,
Белые мачты, паруса,
Флаг под небеса.

А капитан с улыбкой
Держит в ладошке рыбку,
Курит большую трубку,
Грозно кричит он в рубку:
"Эй, убирайте галсы,
Брамсы, бушприты, фоки.
Живо подайте галстук,
Слышите, лежебоки!"

Припев.

На берегу улыбки,
Трубы звенят и скрипки.
А в середине лета
Все так смешно одеты.
Весело, разноцветно,

Дети грызут конфеты,
Машут они флажками
И распевают сами:

Припев.

А капитан улыбку
Прячет в усах огромных,
Пальцем кривым и липким
Трогает нежно воздух
Скоро он будет дома,
Должен он быть серьезным.
Это не удастся,
И капитан смеется.

Припев.

МОРЕ ПРАВДЫ, МОРЕ ЯСНОСТИ...

Море Правды, Море Ясности –
Там не тонут корабли,
Там и рифы, и опасности
Издалека всем видны.
Но путь туда через моря
Надежды и Терпения,
Через пролив Ненужных слов
И море Заблуждения.
Кто парусом ловит ветер Утех,
И в море Сытости якорь бросает
Тонет корабль всегда у тех
В мутных водах земного рая.

Море Правды, Море Ясности –
Там не тонут корабли,
Там и рифы, и опасности
Издалека всем видны.
Туда добраться нелегко
Сквозь штормы и туманы,
Но Честность будет маяком,
А Совесть – капитаном.

АРИФМЕТИКА

Однажды $2/12$ позвали $3/13$: (две двенадцатых)
- Пойдемте, $3/13$, пройдемся вечером.
- Ах, что Вы, $2/12$, - смутились $3/13$, -
Увидят $5/15$, что Вы со мной вдвоем.

- Пусть видят $5/15$, - сказали $2/12$, -
Мне это, $3/13$, поверьте, все равно.

- Пусть знают 5/15, - сказали 2/12, -
Что я Вас, 3/13, люблю уже давно.

- И я Вас, 2/12, - сказали 3/13, -
Пройдемте, 2/12, подайте мне пальто.
Ну что нам 5/15, ну что нам 6/16,
Ну что нам 7/17 и даже если 100.

ПЕС И КОШКА
Стихи Р.Киплинга
в переводе А.Дольского

Кошку погладишь – она запоет,
Выпустит тонкие когти.
Пес, если нужно, всю ночь у ворот
Честно под дождиком мокнет.
Кошка лукаво отводит свой взгляд,
Смотрит на звезды в окошко.
Пес мой безмерно доволен и рад,
Лишь приласкаешь немножко.

Если же гости придут в выходной,
Кошка в истоме и лени
Громко трещит, как волчок заводной,
Щурясь у них на коленях.
Пес от моей не отходит руки,
Слушаясь каждого жеста.
Дружба дороже, чем все пироги,
Даже из сдобного теста.

Кошке хоть тысячу раз повтори:
"Киска, не рви мою шапку!"
Пес мой веселый несет, посмотри,
Утром пропавшую папку.
Кошка гуляет всю ночь напролет,
Пес мой – мальчишка примерный!
Он храпака под кроватью дает,
Значит – он друг самый верный!

СИЛА КОЛЛЕКТИВА

Идет медведь через леса,
Стараясь не шуметь.
Идет медведь, идет медведь,
Идет, идет медведь.

А сверху смотрит воробей,
Чирикает: "Заметь,

Идет медведь, идет медведь,
Идет, идет медведь"

И пчелы начали жужжать,
И крыльями греметь:
"Идет медведь, идет медведь,
Идет, идет медведь".

А тут уже со всех сторон
Пошли леса шуметь:
"Идет медведь, идет медведь,
Идет, идет медведь"

Прекрасно пел огромный хор,
В лесу умеют петь.
"Идет медведь, идет медведь,
Идет, идет медведь"

Остановился тут медведь
И тоже начал петь:
"Идет медведь, идет медведь,
Идет, идет медведь"

МИР СВЕРХУ

В далёкие страны летят неустанно птицы,
А всё же обидно, что сверху не видно лиц, а?
Я тоже летаю и тоже глотаю ветер,
И ждут меня всюду хорошие люди - дети.

И когда рассвет растает, я, устав от ожиданья,
Улетаю, улетаю. До свиданья, до свиданья.

Припев: Грустия, Арабения, Великоустания,
Гореландия, Голодандия, Великоблистания.
Винегреция, Нерыдания, Досвишвеция,
Досвидания.

А в небе я понял, что нету Японий, Африк,
Но делят на страны весь мир. Это странно... Ведь прав я?
И понял я все же, что сверху похожи все горы,
Все страны похожи – поймете вы тоже скоро.

И птица – не та, что от глаз до хвоста - в перьях,
А кто на века в ветра-облака верит.
И счастлив не тот, кто землю, как крот, мерит,
А кто удивлен – земле, словно клен, верит.

СКАЗОЧНИК

Некто сказок тысяч десять
Знал почти что наизусть:
Про цветы, про дождь, про месяц
И одну про грусть,

Про безбрежность мысли светлой
И про вечность-круговерть,
Сорок сказок знал про ветры
И одну про смерть,

Про войну пять тысяч сказок
Даже про войну грибов,
Про царей и графов разных,
Сказку про любовь,

Про зверей и птиц волшебных,
Двести сказок про луну,
Триста о плодах целебных
Про тебя одну,

Эту сказку повторил мне
Он почти пять тысяч раз,
Я запомнил только имя,
Да и то по цвету глаз.

СКАЗАЛ ОДИН МАЛЬЧИШКА МНЕ...

Сказал один мальчишка мне:
"У мне есть своя теория,
Откуда люди на земле,
И как началась история.
Все началось с того, что где-то
На неизвестной нам планете,
Год за годом, дни и ночи
Жили люди, но плохо очень.
И тогда они решили
Улететь к другой планете,
Чтобы на другой планете
Было все у них прекрасно,
Чтоб начать им все с начала,
Чтоб узнать, что значит счастье.
И вот так и очутились
На Земле они на этой.
Но все опять не так, как надо.
Не на разум, а на силу,
Не на мудрость, а на хитрость
Часто люди полагались.
И опять не получилось.
До сих пор не получилось,

Чтобы все прекрасно было.
Сколько люди не старались.
И решив, что так вечно будет,
Выхода-то вроде нету,
Поговаривают люди,
Правда, редко, все о том же -
Улететь к другой планете,
Все получится, быть может".
Только этого не нужно". -
Помолчав, потом добавил. -
- "Вы немного потерпите,
Подростем, и все исправим".

ЭНИКИ-БЕНИКИ ЕЛИ ВАРЕНИКИ...

Эники-беники ели вареники,
только насытились вдруг.
Что нам оставили эти бездельники –
встанем по-прежнему в круг.
Кто на скамейке сосновой устроился,
кто на златом на крыльце.
«Мне не удобно», – царевич расстроился,
и изменился в лице.

Припев: Как давно я вас не видел,
становитесь в круг скорей,
Женя, Вера, Саша, Витя,
Слава, Света и Андрей.

Слава, как царствуешь? Саша, точаешь как?
Света, как шьется тебе?
В лица друг другу взгляните нечаянно
и улыбнитесь судьбе.
Вере-царевне наследство богатое –
тысячи новых путей.
Витя-сапожник – подошвы крылатые –
пересчитайте гостей.

Припев.

Слава-король, поклонитесь сапожнику,
Саша-портной, поскорей
перебери варианты возможные,
кем у нас станет Андрей.
А я ни король, ни портной,
я нечаянно вышел из круга вовне.
Эники-беники плачут отчаянно
и что-то шепчут во мне.

Припев: Как давно я вас не видел,
становитесь в круг скорей,

Женя, Вера, Саша, Витя,
Слава, Света и Андрей.

ПЛАКАЛА ДЕВОЧКА

Плакала девчонка, слезы не унять.
Ах, как трудно горе девичье понять!
А в глазах прекрасных - нежно-голубых –
Две слезинки ясных – лучик солнца в них.

Кап-кап-кап – со щек на платье...
Кап-кап-кап... ну, хватит плакать.
Разве есть на свете горе такое?
Ну, из-за чего тебе плакать стоит?

Рисовали вместе солнце на песке...
А потом исчез он, неизвестно где.
И она не знает ничего о том,
Где он пропадает теплым майским днем.

Кап-кап-кап – со щек на платье...
Кап-кап-кап... ну, хватит плакать.
Разве есть на свете горе такое,
Ну, из-за чего тебе плакать стоит?
Поправлял он нежно ленточку в косе,
Разве позабыл он те цветы в росе?!
И она не знает, и он сам не рад
Что перевели его в новый детский сад.

Кап-кап-кап – со щек на платье...
Кап-кап-кап... ну, хватит плакать.
Разве есть на свете горе такое,
Ну, из-за чего тебе плакать стоит?

ДЕТСКАЯ ЛЮБОВЬ

А по улочке ветер шатался,
А по улочке девочка шла.
Та, которую я дожидался.
Та, которая рядом жила.
Ясноглазый, худой и вихрастый,
Ничьему не подвластный суду
Для нее хризантемы и астры
Добывал я в соседнем саду.

Я с ней рядом гулял по аллее,
И дистанцию я соблюдал.
Лишь предательски щеки алели,
Будто кто-то пощечину дал.

Заикаясь от страха, смущенно,
Вдохновенно я так говорил
О четвертом законе Ньютона,
И о том, кто такой гамадрил.

Сердце SOS выбивало морзянкой,
Я до дома ее провожал,
Называл я ее марсианкой,
И ладонь на прощание жал.
Говорил я нескладно и жарко,
Что всю жизнь ее буду любить.
Был смешной я. А все-таки жалко,
Что таким мне уж больше не быть.

ПОСЕЩЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА

Был поздний вечер. Дождь. И вдруг
Я слышу в двери легкий стук.
В такое время уж пусты дороги,
И путники уже не те.
Я отворил, и в темноте
Стоял мальчишка светлый на пороге.

"Мне нужен друг, – сказал он мне.
Ты видел звезды в вышине?
Они огромные для тех, кто с ними рядом.
А я один, и там, вдали,
В дорогах – годы от земли
Мне для кого-то быть огромным тоже надо".

Припев: Маленький принц, призрачный дым,
Ты на земле необходим.
Столько миров, столько планет!
Не облетишь весь белый свет.

Я ждал тебя давно, малыш.
Входи, ну что же ты стоишь?
Через порог привычек и сомнений
Я сам к тебе боюсь шагнуть,
Я не решаюсь. Дальний путь в начале легок.
Дальше – не по мне он.

Мы сами мир свой создадим,
Представим солнце, звездный дым,
Любовь себе придумаем в полмира.
И журавлями в облака надежды пустим, а пока
Входи, мы потолкуем, друг мой милый.

Припев.

Но ты качаешь головой,

Ты не доволен, мальчик мой,
Что неделимое хочу делить на части.
Зачем придумывать другой,
Когда под радугой-дугой
Прекрасный мир дождей и слез, и счастья.

И лучше пусть измена вновь,
Чем вечная полулюбовь.
И лучше уж ползком, чем без движенья.
Пусть я весь мир не облечу,
Летать и падать я хочу,
И вновь летать сквозь силы притяженья.

Припев.

МНЕ НУЖНА ПЕСНЯ

Заброшу рассвет за леса я,
А горы расставлю я так,
Чтоб солнце на них залезая
Пыхтело, как старый толстяк,
Я в небе сосульки развешу,
Лучи привяжу я к земле.
Чтоб ветер, за них чуть задевший,
Сыграл бы вступление мне.

Припев: Слова – от костра блики,
Мелодия – шелест травы,
Песня – горсть земляники
Рассыпанная, увы.

Я ноты возьму у апреля
Светить будут мне фонари,
Тональность возьму у капли,
А ключ от твоей двери.
И пусть моя песня по свету
Летит через талую синь.
И пусть дирижирует ветер
Оркестром берез и осин.

Припев.

Потом я раскрою все окна,
И в них уроню облака.
И все удивятся, намокнув,
Что дождик идет с потолка
И капли в глазах замелькают,
И дымом пойдут по лесам.
Получится песня такая,
Что спеть я смогу ее сам.
Припев.

БАЛЛАДА О СНЕЖНОМ ЧЕЛОВЕЧКЕ

Стихи Ж.Превера, перевод А.Дольского

Каждый вечер, как только солнце
Спрячется за горизонт,
И на землю опустятся сумерки,
На Луне-Селене, лунные жители-селениты
Зажигают яркий огонь,
Чтобы на земле было светло.
Две ласточки ночью не спят в гнезде,
Две ласточки молча глядят на луну,
Две ласточки вертят головками,
Слушая тишину.
А ночь такая бессонная,
А луна такая огромная,
Не спят на Луне обитатели,
Не спят на Луне селениты.
Снежный человечек прибежал, запыхавшись,
И в ворота Луны стал стучаться сердито:
"Потушите свет, потушите свет!
Прямо на площади целуются двое.
Их могут увидеть, их могут увидеть!
Оставьте их в покое, потушите свет,
Потушите свет, потушите свет!
И не думайте, что это могло мне присниться,
Я вдруг увидел их, я простомимо шел.
У него дрожали ресницы,
Ее светлые волосы были, как шелк!"
Но не верят ему селениты:
- "Не мешай! - отвечают сердито, -
У нас своя забота,
Должна Луна гореть до утра
Такая уж наша работа".
И маленький человечек снежный
Ушел, от обиды плача.
И не знало его сердце нежное,
Что влюбленным лунный свет не мешает.
Не нужны им тучи.
При луне, при луне, при луне
глаза любимых видно лучше,
видно лучше, видно лучше.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Когда-то я, как ты был мал,
и тоже в колыбели спал;
и так же не предполагал,
что стану я большой.

И даже бабушка моя,
уже тогда седая вся,
мурлыча песенку свою
могла поднять меня.

Припев: Спи, мой маленький,
Спи, мой маленький,
Спи, и соску не проси.
Глазки-фонарики, глазки-фонарики
Погаси, погаси.

Тепло на бабкиной груди,
и спрятан в шаль курносый нос,
и что-то будет впереди,
а я все рос и рос.

Припев.

Потом меня качал отец,
я стал для бабушки тяжел;
и научился наконец
пешком ходить под стол.

Припев.

Я постоянно рос и рос
и, видишь, стал какой большой.
И как-то аист мне принес
тебя, сыночек мой.

Припев.

ДВА МАЛЬЧИКА НА БЕРЕГУ

Два мальчика на длинном берегу,
Два юных существа святых и голых...
Восторг и дрожь на них наводят волны
И ветер их сбивает на бегу.

Огромен мир, и небо необъятно,
И солнце друг, и море страшный друг.
Оно влечет, как тайна и испуг
Несут валы и пенистые пятна.

День бесконечен, время не течет...
Что значит завтра? Что такое вечер? -
Не знает пятилетний человечек
И благу жить не воздаст почет.

Он – воздух, и вода, и сам он благо...
Глаза – как море, кожа – как песок,

Пугливый и беспечный полубог,
Не соизмеривший пути и шага.

Два мальчика и больше не души.
А я – не в счет, я нынче не природа.
Я знаю химию песка и небосвода
И их судьбу (увы) могу вершить.

Слияние простора, ветра, вод
С их легким существом растает скоро.
Они уедут в северный свой город
И не заметят этот переход.

ОКТЯБРЬ

Когда октябрь прохладными ветрами
качает вдоль проспектов тополя
и оплатив великими дарами
готова до весны уснуть земля,
Крахмальным утром школьных перезвонов
начнется день, как тысячи других,
и примется за старые законы
весь юный мир в воротничках тугих.

Припев: Веселеют в работе и сердце и руки,
и пролеты гудят, словно струны гитар.
Мы основы основ высочайшей науки
постигаем, как азбуку учит школяр.

Мелодии над площадью забьются,
потянутся из утренних дворов,
и в проходные музыкой вольются
десятки тысяч судеб и миров.
Начнется день и с ним придут заботы,
мы этот ритм освоили давно.
Так в песне ни одной неверной ноты,
а все как надо, все как быть должно.

Припев.

Необратима смена поколений,
спешат нетерпеливые года,
И мы горячих слов и детскость мнений
не повторим, быть может, никогда.
Но в каждом детство все-таки осталось,
мы любим ясность, любим простоту.
И мы не примем мудрость за усталость,
за слабость мы не примем доброту.

Припев.

ДЕТСТВО

Мне часто гадали, гадали мне часто –
Удачу, богатство и даже невесту,
А мне бы чуть-чуть беззаботного счастья
И детства, и детства, и детства в наследство.
Мне ни к чему и богатство, и слава,
Ни так уж и очень нужна мне невеста,
Мне только вдохнуть бы –
Пусть маленький самый –
Березовый ветер, простой, словно детство.

И к маме в колени, под теплые руки...
Как часто бывает обидно и трудно!
Прости меня, мама, прости меня, мама,
Не ставь меня в угол, не ставь меня в угол.
Ты вновь сосчитай на лице мне веснушки,
Пусть рыжий мальчишка в глазах твоих синих
Смеется сквозь слезы: сломалась игрушка.
Погладь меня, мама. Спасибо, спасибо.

ПОПЫТАЕМСЯ ВЫЗНАТЬ ВСЕЛЕНСКИЕ ТАЙНЫ...

Попытаемся вызнать вселенские тайны,
По веселым глазам нас узнает любой.
Мы - всего лишь матросы, мои капитаны,
На своем корабле под названьем «Любовь».

Припев: Мы умираем на дню раз тринадцать
И воскресаем четырнадцать раз.
Сами хотим мы во всем разобраться,
Пусть уж потом разбираются в нас.

Мы плывем в океане от мыса Надежды
В море Верности, в порт Ожидających Глаз.
Паруса залатаем и снова, как прежде, -
В голубой океан - не отыщите нас.

Припев.

Лежит море Правды за дымкой тумана,
Достичь моря Ясности нам нелегко,
Но будет нам совесть в пути капитаном
И будет нам честность в пути маяком.

Припев.

Ветра всех широт в парусах пусть играют,
Но мы не войдем в воды мелких морей.
И в мутных заливах покоя и рая

Нам никогда не бросать якорей.

Припев.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Была одна девочка, совсем еще маленькая,
Это девочка сильно плакала.
Вы уж меня извините, сидела на горшочке,
И горько-прегорько плакала.
Звали ее Ева, ладно?
Прошло полтора часа, и никто не знал,
Почему она плачет.
"Ева, - говорю - дай мне немножечко
Твоих слезок,
Я их спрячу в маленькую черную шкатулку".
Девочке это очень понравилось,
И она мне их наплакала целую чашечку.
Потом перестала, и говорит:
- "Мама мне сказала, что я тоже буду мамой,
И у меня будет мальчик, кудрявенький такой и хорошенький,
И еще девочка, толстушка и хохотушка.
И теперь я боюсь, а вдруг с ними что-нибудь случится.
И потому плачу.
Дядя, давай мы с тобой сами сделаем такой мир,
Чтобы в нем никто-никто не боялся".
И мы принялись за работу, и сделали его.
На славу мир нам удался!
Он был из пластилина, весь красный
Снаружи и внутри.
Вулканы мы делать не стали,
А про границы забыли.
Казармы у нас не поместились,
Для тюрем места тоже не осталось.
Мир этот Ева взяла с собой и постельку.
А я пошел домой, и включил "Последние известия".